

2. Драматические и прозаические особенности воплощение образов в произведениях Булгакова «Белая гвардия» и «Дни Турбиных» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: otherreferats.allbest.ru/literature/00215098_1.html
3. Изображение эпохи в романе «Белая гвардия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.allsoch.ru/sochineniya/14789>
4. Лакшин, В. Я. О прозе Михаила Булгакова и о нем самом / В. Я. Лакшин // М. А. Булгаков Избранная проза. – М.: Худож. лит., 1966. – 641 с.
5. Новиков, В. В. Михаил Булгаков – художник [Электронный ресурс] / В. В. Новиков. – Режим доступа: www.russofile.ru/articles/article_66.php
6. Соколов Б. Расшифрованная «Белая Гвардия». Тайны Булгакова [Электронный ресурс] / Б. Соколов. – Режим доступа: <http://ihavebook.org/reader/reader.php?book=217876>
7. Эпический род литературы: Русский рассказ XIX [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yaklass.ru/materiali?mode=lsntheme&themeid=26>

М.И. Григорьянц
Россия, Барнаул

Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель – к.филол.н., доцент И.Н.Островских

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ЧАСЫ И ЗЕРКАЛО»)

Сентиментализм и романтизм заложили основы развития психологизма во всех родах и жанрах литературы. Как отмечает исследователь А.Б. Есин, «сентименталистский и особенно романтический психологизм был крупнейшим открытием, своего рода прорывом в глубокие и часто тайные области внутренней жизни человека» [2, с. 85]. В русской литературе XVIII в. элементы психологизма присутствовали в произведениях Н.М. Карамзина («Чувствительный и холодный», «Рыцарь нашего времени»), А.Н. Радищева («Дневник одной недели»). В литературе XIX в. психологизм подготавливался поэзией В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, прозой А.А. Бестужева-Марлинского, В.Ф. Одоевского. Постигание жизни человека было важной задачей для писателей-романтиков, многие исследователи отмечают, что именно с романтизма начинает проявляться настоящий психологизм. Это связано с тем, что романтизм противопоставляет внутреннему двоимирию героя гармонию природного бытия.

Несмотря на то, что Бестужев сыграл значительную роль в развитии русской романтической прозы 20 – 30-х годов, исследователи, как правило, обращают внимание на исторические повести писателя и светские повести «Испытание» и «Фрегат Надежда». Что касается поздних рассказов, следует

отметить необходимость изучения особенностей проявления жанровой системы романтизма, а также рассмотреть своеобразие жанровых решений автора, который, обращаясь к традиционным для романтиков формам, трансформирует их.

Актуальность работы мы видим в необходимости исследования эволюции форм психологизма в период сентиментализма и романтизма. Целенаправленный анализ принципов и приемов изображения внутренней жизни человека позволит внести большую ясность в понимание специфики психологизма.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые описана эволюция конкретных форм психологизма в творчестве писателей-сентименталистов и романтиков, на примере поздней прозы Н.М. Карамзина и А.А. Бестужева-Марлинского.

Видное место в прозе 20-х годов XIX века занимал писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский. Он отчетливо отграничивал романтическое направление от дворянского сентиментализма. В рамках заявленной темы, рассмотрим **форму дневника как изображение внутреннего мира героя в рассказе «Часы и зеркало».**

В своей работе «Психологизм русской классической литературы» исследователь А.Б. Есин выделяет основные формы психологического изображения, к которым сводятся все приемы воспроизведения внутреннего мира героев: прямая (открытый психологизм), косвенная (скрытый психологизм) и суммарно-обозначающая [2, с.18]. Традиционно, прямой формой изображения внутреннего мира героя является дневник. Так, в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского особое место занимает рассказ «Часы и зеркало» (1831), который представляет собой дневниковые записи.

Ведущей функцией дневника является раскрытие «истории души», как правило, обращение к дневнику вызвано следующими обстоятельствами:

- 1) духовным одиночеством, скукой;
- 2) потоком воспоминаний, которые внезапно овладевают душой автора дневниковых записей;
- 3) рефлексией – желанием «заглянуть в себя».

Подробнее остановимся на каждом из обозначенных обстоятельств.

Одиночество – это состояние, свойственное человеку в моменты душевных волнений, размышлений.

Герой рассказа «Часы и зеркало» с одной стороны предстает «хозяином жизни», человеком, который является частью светского общества: «Сколько приятных часов провел я у генеральши S.!.. Милая дочь, умное общество, занимательная беседа, приветливое обхождение...» [1, с. 160]. Однако сам автор отмечает разницу между домашним кругом и светским обществом, при этом он подчеркивает, что светская жизнь – это знак цивилизации, в ней присутствует искусственность: «Здесь примеряет новую шляпку, новую

улыбку к лицу или испытывает небрежно живописное положение...» [1, с. 163].

В таком обществе на второй план уходят чувственность и нравственность, которые составляют основу природного начала, соотносимого с домашним очагом: «Бывало, часы летели и речь кипела ключом, когда она, сбросив светские узы жеманства возвращалась в домашний круг свой, будто сейчас из пелен природы» [1, с. 161]. По мнению автора дневника, общество губит душу и обрекает человека на одиночество: «О свет, свет! Как мало даешь ты за все, что отнимаешь!» [1, с.166].

Таким образом, ситуация одиночества является основным мотивом к написанию дневника и зачастую именно одиночество и скука выступают стимулом к погружению в *воспоминания*: «Я никогда не забуду последнего вечера, проведенного с нею <...> все это, как вчера, у меня перед глазами» [1, с.166]. События, случившиеся в прошлом, возникают в настоящем в образе воспоминаний и влияют на будущее, поскольку служат пищей для размышлений. В этих воспоминаниях, представленных весьма детально, ярко изображаются светские нравы. Так, герой очаровывает Софью пышными фразами: «персики могли бы позавидовать пуху щек ее, а розе надо бы занять у нее румянца». А Софья думает лишь о большом свете: «Восклицание доказывало нетерпение ее быть на бале, где найдет она множество поклонников, затмит многих соперниц» [1, с.164].

Воспоминания, связанные с целым комплексом предшествующих им мыслей и действий, таким образом, становятся материалом для последующей за ними *рефлексии*.

Неотъемлемым качеством, которым обладает герой, ведущий дневниковые записи, является *самоанализ*: «Кладу перо и хладнокровно себя спрашиваю: не мадригал ли это, сочиненный моим сердцем? Не влюблен ли я? Но что значит это слово? Я так часто был влюблен, что, мне кажется, люблю только тех, в которых не влюблялся, – следственно не разлюбил» [1, с. 161].

В результате перед нами выстраивается цепочка обстоятельств и факторов, которые становятся движущей силой в создании дневниковых записей: *одиночество – воспоминание – рефлексия*. Вышеперечисленные феномены взаимосвязаны между собой, причем каждое последующее не только порождается предыдущим, но и сосуществует с ним в дальнейшем.

Таким образом, форма дневниковых записей помогает не только сохранить память о случившемся, но и дает возможность для беспрепятственного анализа окружающего и самоанализа. Прежде всего, форма дневника используется автором как прием психологического изображения героя, его внутреннего состояния и душевных переживаний.

На основе проделанной работы, нами была описана динамика конкретных форм психологизма в поздней прозе Бестужева-Марлинского как яркого представителя эпохи романтизма.

Список литературы:

1. Бестужев-Марлинский, А.А. Ночь на корабле : Повести и рассказы. – М.: Худ. лит-ра, 1988. – С. 160-168.
2. Есин, А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: ФЛИНТА, 1988. – 265 с.

А.С. Костюк
Россия, ст. Озимая,
МКОУ «Озимовская СОШ»
Научный руководитель учитель I кв. категории О.Ю. Максимьяк

СИМВОЛИКА НАЗВАНИЙ ГЛАВ РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

О романе Т. Толстой «Кысь» писали многие критики и исследователи. Н.П. Беневоленская рассматривала это произведение как идеологический роман [1], С.Ю. Воробьева занималась исследованием палимпсеста в художественной структуре романа и пространственных координат его художественного мира [2,3]. О.И. Фалина изучала знаковое пространство романа как многоуровневую систему поиска интерпретации и особенности кодового устройства текста романа [9,10]. Во всех этих работах присутствуют упоминания об алфавите, вынесенном в оглавление романа «Кысь». Ведь именно он выступает в роли своеобразного символа, с помощью которого происходит формирование концептосферы романа. О. Калашникова по этому поводу отметила: «Наследуя платоновскую идею алфавита как модели мироздания, Т. Толстая пишет роман-азбуку, где каждая из глав носит имя одной из букв древнерусского алфавита. В разгадке азбучного принципа заключена суть авторского замысла» [9].

В статье мы попытаемся проследить связь между названиями глав и их содержанием. Для этого необходимо прибегнуть к теории Ч. Пирса о его разделении знаков на иконы, индексы и символы. Изучив ее, мы пришли к выводу, что пространство романа «Кысь» содержит в себе знаки-символы, т.к. «символ есть знак, отсылающий к объекту, который он денотирует посредством закона, обычно – соединения некоторых общих идей» [6, с. 59]. Символ – самый сложный по своей структуре знак, включающий в себя индекс, который, в свою очередь, включает в себя икону. Со своим объектом символ соединен посредством идеи, заключенной в уме человека и без которой такой связи не существовало бы.

С помощью толковых словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова, а также этимологического словаря Н.М. Шанского мы выяснили значение и происхождение тех букв старославянского алфавита, которые использовала Татьяна Толстая в своем романе.